

Львов С. Н.

Бомж детектив

иронический детектив

16+

Сергей Львов

Бомж детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31744142

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2254-3

Аннотация

Бизнесмен Иван заключает пари со своим другом, что проживет месяц бомжом и останется жив и здоров. Друг поручает своему знакомому Дядюшке, который хорошо знает жизнь бомжей, контролировать Ивана в части соблюдения пари. Во время своей жизни на вокзале, Иван становится свидетелем убийства. Он попадает в различные неприятные ситуации, с которыми справляется не всегда удачно. К тому же ему приходится заняться поиском преступника. И только веселый характер помогает не падать духом.

Содержание

Выход в свет	18
О профессоре	51
Убийство	62
Моя милиция меня бережет	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Бомж детектив

Все написанное в этой книге:

Правда, правда и правда.

Все изложенные факты:

Ложь, ложь и ложь.

Пролог

Да что же они меня все бьют! Больно то, как везде! Если дело так дальше пойдет, то уважаемого бизнесмена Иванова Ивана и в гробу будет не узнать. Все скажут – бомжом жил, бомжом и помер. Или умер? Вот вечно так, занимаешься каким-то важным делом, а на ум придет посторонняя мысль, и ты начинаешь мучительно ее обдумывать. Это вместо того, чтобы о своих невинно пострадавших частях тела побеспокоиться.

Так, быстренько уворачиваемся от летящего в глаз каблука, ловко, по мере возможности, вскакиваем, и да-авай их молотить по-нашему, по-молодецки!

Бац!!! И потемки...

Где это я? А, Дядюшка, привет.

Пари

– Ну что ты мне рассказываешь? А то я не знаю, как ты заимел первые бабки. Если бы не твой папаша, ничего плохого о нем не могу сказать, дядя Ваня был замечательный мужик, то жил бы ты сейчас как абсолютное большинство россиян. Небось, уже и не помнишь, когда последний раз в метро ездил?

Петр пробежался пальцами по столу. Видимо в его представлении это усиливало эффект вопроса. Он и в детстве был мальчик эмоциональный и всегда отличался от других своим взрывным характером.

– Отчего же, помню, как раз года два назад, прикинь, пошел с Ольгой в кабак, поехали на ее машине, в кабаке поцапались, она психанула и укатила. А я слишком перебрал, видимо потому и разругались, вышел на улицу, смотрю напротив метро, ну и решил по пьяному делу прокатиться. Зашел, достаю свой старый кошелек, из него пятак. А монетка то не влезает в монетоприемник! Я и так и этак, никак! Пошел разбираться к тетеньке дежурной. Она сначала тупо смотрела на меня и на монетку, а я в свою очередь не мог понять, что ее так удивляет. Начинаю объяснять, что щель в турникете бракованная, маленькая, а тетенька все молчит и молчит. А потом как захохочет. Стала меня спрашивать, когда я последний раз в метро ездил. Не помню, говорю, давно. Вот именно, что очень давно, говорит она. Сразу видать на машине все привык разъезжать, а в метро сто лет как не заходил. Короче, в метро теперь по жетонам надо проходить.

Если вы думаете, что я настолько далек от обычной жизни большинства горожан, то сильно ошибаетесь. Просто я тогда был очень пьян. А на метро действительно не ездил давно, как-то все на машине, да на машине.

Ну не виноват я, что на машине мне удобней, не виноват!
– О чем я и толкую. Если тебя сейчас выпихнуть в обыч-

ный мир города, то ты там просто погибнешь!

– Кто, я?! На что будем забиваться, если я месяц проживу?

Вот уж что-что, а спорить не люблю. Но здесь меня взъело самолюбие. В жизни у меня есть девиз – не сломаться! Правда об этом никто не знает, я-то никому не говорил. Девиз дело такое, тонкое, не каждому понятное. К примеру, буду я на всех углах кричать – я не сломаюсь, я не сломаюсь! Что люди подумают, нехорошее подумают. А еще хуже, подойдет, кто-то и сломает меня. Оно мне надо?

– Э-э, дорогой, давай сначала определимся: во-первых, ты должен выйти, так сказать в большой мир, практически голым, во-вторых, через месяц ты должен оставаться живым. Ну, это я так, типа шучу, хотя скажу честно – мертвым тебя видеть не хочу, дорог ты мне, почему-то. То ли потому, что друг ты мне единственный, то ли потому, что знаком давно с тобой.

– Ладно, Петька, ты эти дифирамбы о любви ко мне потом пропоешь. Я вот до сих пор тебе не могу простить свой кривой нос, который ты мне кирпичом в пятом классе разбил.

Носик, если честно, у меня прямой, но не в этом дело.

– А помнишь, как ты мне в задницу шило воткнул? Забыл? Надо мной вся школа смеялась, было очень больно и обидно.

– Кирпичом по роже, значит не больно, да? Короче, какие дальше условия?

– Ага, значит, в-третьих, как я буду контролировать те-

бя? Я тебе, конечно, верю, но как в поговорке – доверяй, но проверяй. Вдруг тебе так фигово станет через пару дней, что ты спрячешься где-нибудь на секретной квартирке и проживешь там, в тепле и уюте до конца месяца.

– Секундочку! Ты предлагаешь мне месяц прожить бомжем?

– Да, я тебе об этом и толкую.

– Хорошо! Договорились! Проживу тебе назло! По всем твоим, во-первых, во-вторых, сам придумывай, а вот что получит победитель нашего пари – это моя головная боль.

– Хор-хор!

Чтобы читателю было понятнее, о чем и о ком, собственно, идет речь, придется немного вернуться назад, на 17 лет. Тогда я – Иван Иванов и мой друг – Петр Петров только окончили школу и поступили на первый курс института. Кстати, если полностью, то Иван Иванович Иванов и Петр Петрович Петров. То ли родители наши были приколисты, то ли очень чтили память о пращурах.

Я пошел учиться в технический институт, а Петр в финансовый чем, кстати, удивил всех своих знакомых, ибо финансовый у знакомых считался институтом девиц. У меня отец всю жизнь крутился в партийных структурах и перед развалом КПСС работал в райкоме партии одного из районов, славного города Ленинграда. У Петра мать работала портнихой, а отец трудился в Главленинградстрое, начальником какого-то отдела.

Оба поступили честно, без «папиной руки». Иванов и Петров старшие были людьми принципиальными в плане воспитания детей. Кстати, по поводу учебы в институте, до сих пор помню, как любил поиздеваться над нерадивыми студентами наш математик. Во время экзаменов и зачетов он ставил на свой преподавательский стол табличку с надписью: «Дорогие студенты! Помните, что деньги решают все! Даже сложные дифференциальные уравнения третьего порядка». Радостные студенты, те кто впервые попадал к этому преподавателю, с идиотской улыбкой пытались всучить ему деньги в зачетке. Математик делал удивленное лицо и читал небольшую лекцию о том, что вот он хорошо разбирается в математике и поэтому имеет много денег. Но так как Вы молодой человек, даже не попытались ответить, а сразу суете деньги, то получайте «неуд» и приходите через неделю на пересдачу.

Так вот, как многие помнят, как раз в начале 90-х годов прошлого века в нашей стране произошел резкий переход от социализма к капитализму. И я, и Петр были мальчишки не глупые, чего уж там правду скрывать, и при помощи моего папы, с его связями, открыли свое первое дело. Я был директором, а Петр замом. В дальнейшем наши дороги в бизнесе разошлись, но дружба не ослабла.

В описываемых событиях обоим было по 35 лет. Петр имел семью, состоящую из жены Любы и сына Игоря, своеговольного мальчишки семи лет. А я был не женат. Если выразаться точнее, жил гражданским браком с юной особой два-

дцати пяти лет по имени Мирабелла. Имя Мирабелла было настоящее. Когда ее мама лежала в больнице на сохранении, то в палате по видуку целыми днями крутили фильм «Мария, Мирабелла». Видимо поэтому родившуюся дочь так и назвали.

– Значит так любезный, – сказал Петр при встрече на следующий день, – сегодня двадцать пятое мая.

– Надо же, какое глубокомысленное начало! Я прямо-таки дрожу от волнения от такой волнующей речи, – Я засмеялся.

– Слушай и не перебивай! Первого июня в десять утра ты выйдешь из дома и вернешься назад только 30 июня этого года. Одеться разрешаю, во что захочешь, но на тебе должен быть только один комплект одежды. Часы тоже можно надеть.

Далее, у тебя не должно быть ни копейки денег. Баксов, евро тем более. Перед выходом из квартиры я тебя самым тщательным образом обыщу. Это для информации.

Ты интересовался, как я тебя буду контролировать? Элементарно Ватсон! С тобой весь месяц будет ходить мой человек. Так же, как и ты, он будет бомжевать. Но! У него будут деньги и сотовый телефон. Деньги исключительно для его нужд, а трубка для поддержания связи со мной, ну и на случай экстремальной ситуации. Тебе пользоваться телефоном нельзя. Как только воспользуешься – все, ты проиграл.

Петр закурил и внимательно посмотрел на меня.

– По первому пункту договора все ясно?

– Нет не все. А скажи мой дорогой товарищ, брат, камрад и вечный собутыльник – я могу пользоваться другими телефонами?

– Вопрос понял. Отвечаю на правильно заданный вопрос. Итак, другими телефонами, трубками и тому подобной техникой связи пользоваться можно, если ты каким-либо образом сможешь ее добыть, достать. Украсть, в конце концов. Правда, вызволять тебя из гестаповского застенка мне будет тяжело, но ради детей я готов на все.

Петр нажал кнопку селектора:

– Мариша, принеси нам два кофе. Балбесу с лимоном, а мне с молоком.

Мы сидели в офисе у Петра и Марина, работающая уже три года у него, прекрасно знала привычки нас обоих. В частности, если хозяин по селектору называл меня каким-либо шутливым словом, то это значило, что беседа идет не деловая и для сторонних звонков и посетителей Петр всегда может отвлечься от разговора.

– Балбесом всегда был ты! – возмутился я, – и потом, что за дети, ради которых ты на все готов?

– Твои дети голубчик, твои! Те дети, которых ты все никак не заведешь. Как мать тебя спрашиваю в сотый раз, когда подаришь мне радость лицезреть тебя с орущим младенцем?

– Да в любом городе, где я побывал, найдется ребенок, который может подойти ко мне и сказать: «Здравствуй па-

па!».

– Не помню, из какого фильма, но на ум приходит фраза – кобель ты старый!

В кабинет зашла милостивая Марина, девушка с точеной фигуркой и вздернутым веснушчатый носиком. Она принесла поднос с чашками кофе и конфетами «Грильяж».

Мы с другом просто обожали эти конфеты. Не знающий человек решил бы, что в детстве нас держали подальше от всех сладостей. Но мы просто любили разные шоколадные и выпечные вкусности, а при воспоминании о грильяже с чашечкой кофе лично у меня буквально текут слюнки.

– Маришечка, солнце мое ясное, свет очей моих ненаглядный, – Я протянул к ней руки с мольбой, – за что меня обижает этот нехороший человек!? Представляешь, он назвал меня земляным червяком и, даже язык не поворачивается, старым кобелем! Ну, какой же я старый? Я в самом соку. Вот кстати давно хочу тебя в постель затащить, а ты все не даешься. Ай-яй-яй! Ночами плачу в подушку от неразделенной любви.

– Иван Иванович, переспать и любовь – это разные вещи. А я без любви не могу лечь в постель. И потом я однолюбка, увы! Люблю только своего мужа. Вот.

Петр погладил Марину по спине и слегка шлепнул пониже. Повернувшись ко мне, сказал:

– Даже я себе позволяю не более, чем погладить ее по спинке и все. Хотя грешен, поначалу, три года назад, тоже

пускал слюни о ее прелестях.

– Так, все, ступай, а то действительно завалим тебя на стол, а потом жалеть будем!

Марина, специально виляя бедрами, вышла из кабинета.

– Да, хороша девка! И ведь ни за что не дашь ей тридцатник. Как будто на уровне восемнадцатилетия остановилась. И фигурка, и ножки и..., а ведь старшему у нее уже двенадцатый год пошел, – Петр сладострастно потянулся.

– Хватит болтать о пустяках, что там дальше ты мне придумал? – Я допил кофе, поставил чашку на стол и выжидательно посмотрел на Петра.

– А собственно и все. – Петр задумчиво посмотрел в окно, улыбнулся и добавил – Кушать можешь все, что хочешь. Спать можешь, где сможешь. Прямо масло масляное получилось. Так.

Сейчас лето наступает, теплынь! Если на улице покемарить придется, не заболеешь. Но уж если совсем немоготу будет – скажешь своему соглядатаю, он мне звякнет, и пойдешь ты к себе домой в теплую постель, к своей, не при детях будь сказано, Мирабелле.

– Ты закончил? – Я побарабанил пальцами по столу. Дурацкая привычка, между прочим, все никак не отучу себя от нее. Когда немного нервничаю, то мои эмоции выплескиваются в барабанную дробь по столу.

– Да.

– Тогда слушай меня. Если я проиграю, то выполню любое

твое пожелание. Идет?

– Идет. Мое пожелание могу озвучить прямо сейчас, при большом, огромном скоплении народа. Итак, мое желание – ты в течение трех месяцев должен будешь официально жениться. На Мирабелле, Гульчатой, Даздраперме, мне все равно на ком, но ты должен будешь жениться.

Кстати, вариант с Мирабеллой, это на самый крайний случай.

– О-кей! Да, и еще о главном. Я напишу две доверенности, на тебя и на Миру. Дела официально будет вести весь месяц она, но в случае форс-мажора ты должен вмешаться и разрулить ситуацию в моем бизнесе. Документы оформим таким образом, чтобы ты мог негласно контролировать основное движение денег. В принципе я в своем главбухе уверен на все сто, но все в жизни бывает.

А вот в Эдуарде, моем заме, я, к сожалению, не уверен. Парень он очень толковый, дела ведет прекрасно, но...

Я задумался, вяло помешивая остатки кофе. Так мы с моим собеседником просидели в молчании несколько минут. Петр курил, не задавая вопросов. Он всегда по жизни считал, что если человек не хочет говорить о своем сокровенном, то не стоит его заставлять «выливать» душу.

– Ты знаешь, – наконец начал, не торопясь говорить я, – Эдик хороший мужик. Но он принадлежит к той категории людей, которые хорошие тогда, когда все хорошо. Он искренне старается, работает как трудоголик. Даже если мы

знаем, что дело может не принести доход, он пашет как вол, и претензий в этом плане у меня к нему нет. Но я уверен на все сто, что как только, не дай Бог, ситуация у меня изменится в плачевную сторону, то он предаст меня со всеми потрохами.

– Так что не избавишься от него? Уволь! Найди себе другого зама, сейчас полно толковых ребят ищет работу. За меньшие деньги будут землю носом пахать!

– Я ведь говорю, претензий по работе у меня к Эдику нет. – Я усмехнулся. – Ладно, вот заодно и проверим его, как он будет якобы без меня руководить.

– Не совсем понял, что значит – якобы без тебя? – Петр удивленно поднял правую бровь.

Я внимательно посмотрел на друга и сказал:

– А то и значит. Я как бы пропаду. О правде, кроме тебя, будут знать только три человека: Мира, главбух и мой адвокат. Этим людям я верю. Не так как тебе, но верю. И Мира, какая бы не была взбалмошная девчонка, но человек она, по моему, честный. И мне кажется, что любит меня по-настоящему.

Для всех остальных я исчезну, пропаду. У меня, якобы, возникнут какие-то жуткие проблемы, о которых никто толком не знает, но все будут знать, что я сбежал неизвестно куда от них. Вот так, ясно?

– Яснее некуда! – Петр хлопнул ладонью по столу и грузно поднялся. – О-хо-хо, грехи наши тяжкие! Когда же мы станем все доверять друг другу? Это не к тебе дорогой, вопрос

скорее риторический.

Я засмеялся, и полу обняв за плечи друга, повел его из кабинета.

– Ах, ты мой друже! Да если бы все люди были одинаковы, то жить на Земле было бы не интересно. Представляешь – все одинаковы во всем? Желание каждого в отдельности, это желание всех других вместе взятых. Нет, братишка, очень хорошо, что мы все разные.

Приехав домой, я первым делом стал обдумывать, во что мне одеться на время бомжевания. Я был совершенно уверен, что выдержу месяц без домашней пищи, любимого кресла и многих других приятных моему сердцу вещей. Самым сложным, как я понимаю, было определиться с местом ночлега. Проводить ночи в подвалах, честно говоря, не хотелось. Очень не хотелось! Значит надо было придумать, что-то более привлекательно, но в то же время и не нарушающее заключенное пари.

Пари в принципе еще не было занесено на бумагу, но это сути не меняло. Я никогда не нарушал слово, данное Петру. Ни в чем. Как, впрочем, и Петр в отношении меня. За нашу многолетнюю дружбу это было неоднократно проверено и сомнению не подлежало. Нас в этом плане многие знакомые считали необычными бизнесменами, с тараканами в голове. Как так?! Вести бизнес и не обманывать? Быть того не может. Ну-у, честные мы только в отношении друг друга. В

нашей прекрасной стране заниматься каким-либо бизнесом и не мухлевать, просто не реально!

– А, пожалуй, есть одна мыслишка, – начал рассуждать вслух я, – в подвале я жить не хочу, в квартире я жить не могу, но я ведь могу... Так-так, пожалуй именно так я и поступлю.

В комнату заглянула Мирабелла. Она, молча, остановилась в дверном проеме и вопросительно взглянула на меня.

Мира была невысокая, стройная и очень, по мнению Петра чересчур очень, красивая девушка. О таких обычно говорят – девушка с обложки. Она была в некотором роде скромной и не заносчивой особой. Но как говорится, обижать себя не позволяла никому и спокойно могла дать словесный отпор любому уличному матерщиннику.

– Мирка, иди сюда, – ласково позвал я. – Ты меня любишь? А если любишь, то как я или сильнее?

– Да. – Очень тихо и спокойно ответила Мира. – У тебя неприятности? Ты всегда все свои беды держишь в себе. Я люблю тебя. Ты даже не представляешь как сильно. Поэтому мне не нравится, что ты со мной никогда не делишься своими проблемами.

Я долго и с нежностью смотрел на любимую, а затем сказал:

– Почему никто не верит в нашу любовь? Странно. Ну да ладно. Об этом, как-нибудь потом. Мне надо с тобой очень серьезно поговорить. И ты, кстати, увидишь, что я делюсь с

тобой не только своими радостями, но иногда и печальями.

Так вот по поводу радостей. Как-то несколько лет тому назад подарили мне живого краба. Если быть точным, то полуживого, так как он полдня провел без воды. Мне его некогда было разделывать, да и жалко как-то убивать. Вот я и решил его запихать в холодильник. Думаю, он там замерзнет окончательно, а я как бы и не виноват буду в его кончине. Потом закрутился, то да се, через какое-то время вспомнил о крабе, открываю холодильник и вижу картину – краб сожрал всё съестное в зоне досягаемости и, загребая клешнями, доедает салат.

Мира громко засмеялась.

– Я понимаю, что ты меня хочешь развеселить перед чем-то печальным. И все же расскажи, что произошло.

Выход в свет

Вот и наступило первое июня. Солнышко припекало в свою летнюю силу. А ведь было еще раннее утро! Днем Питер совсем раскалится до мягкого асфальта. Девушки будут ходить в легких платьицах. Хорошо будет! Но не для меня.

Так думал я, стоя с поднятыми руками, пока меня неуклюже и с усмешкой обыскивал любезный друг Петр.

– Ты мне в ширинку то хоть не залезай, а то подумаю, что у тебя начали развиваться гомосексуальные наклонности! Ишь, как наглаживаешь! Да на месте, на месте мое богатство, есть человек, который каждую ночь это проверяет. Все проверил? Не стыдно мне не верить, а? Я тебе это помню, так и знай!

– Ладно, ладно, не ворчи. Обещал проверить, значит проверяю.

– Ничего недозволенного нет. Только спички, зажигалка, курево, да вот парочка конфеток сосулук. Надеюсь, этот набор не возбраняется?

Петр критически осмотрел предъявленные ему «богатства».

– На кой ляд тебе и спички, и зажигалка?

– Да я вообще предпочитаю спички. Ты же знаешь, у себя дома я прикуриваю исключительно от спички. Ну, нравится мне так!

– Хорошо, а зажигалка тогда зачем? Хорошо хоть не «Зиппо».

– А зажигалка на всякий пожарный. Вдруг под дождь попаду, спички намокнут. Я ведь не гарантирую себе пока ночи в отеле. А конфетки, это как бы переходный период от моей добропорядочной жизни к бездомной. Пока буду идти к месту обитания, буду их сосать. И с их окончанием медленно закончится моя нынешняя жизнь и начнется другая, полная прикрас.

Я непроизвольно горько усмехнулся.

– Ладно, не робей. Бог с тобой, пускай у тебя будут эти последние утехи цивилизации.

– Между прочим, дорогой мой, знаешь ли ты, что зажигалка была изобретена раньше спичек?

Петр с интересом посмотрел на меня. Улыбнулся и похлопал по плечу.

– Это ты у нас любитель собирать разную ненужную информацию, а мне, честно говоря, все равно, что было раньше. По мне так не очень удивлюсь, если окажется, что атомную бомбу изобрели раньше колеса.

Я пригладил волосы, выставил правую ногу и засунув правую руку за обшлаг пиджака важно произнес:

– А вот по этому вопросу, готов с Вами милейший, даже подискутировать.

Петр махнул на меня рукой.

– Все, все, хватит тут Наполеоном прикидываться. Кста-

ти, костюмчик не жалко? Мог бы что-то и другое одеть, не сильно ты на бомжа смахиваешь.

– А ты хочешь, чтобы я сразу обноски одел? По-твоему, бомжами рождаются? Нет, дорогой товарищ, бомжами становятся! Становятся не по своей воле, уж поверь мне.

– Хор-хор! Убедил. Иди хоть в золотой мантии, обшитой горностаем. Мне это по барабану! О тебе ведь забочусь идиот. Как тебя другие бомжи воспримут в таком дорогом костюмчике? Они ведь просто обос... Извини Миру за грубое слово, – Петр обернулся к стоящей рядом девушке, – короче, они все пописают в штаны от твоего супербомжеватого вида!

Я подошел к большому зеркалу и придирчиво осмотрел себя с разных сторон. Как и вчера, когда я решил одеться именно в этот костюм, остался доволен своим выбором.

– Можешь смеяться, – сказал я со счастливой улыбкой Петру, – но я выбрал этот прикид сознательно и менять не хочу.

– Дело твое. Мое дело позаботиться о выполнении договора.

Петр обернулся и поманил пальцем стоящего до сих пор в отдалении мужчину средних лет.

– А вот и мой соглядатай за тобой. Знакомьтесь – Иван Иванович, по-простому Ваня и дядюшка Илья, по-простому Дядюшка. Дядюшка с большой буквы.

Вам вместе жить целый месяц. Спать рядом, есть иногда. Э-э, что еще? А, да, справлять естественные надобности

и другие физиологические потребности человеческого организма.

Петр громко засмеялся.

– Ну, ты даешь! – Я с притворным восхищением воззрился на друга. – где ты слов таких набрался? Я тебя мой милый друг всегда учил добрым и ласковым словам, а не этим вульгаризмам, что ты сейчас изрыгнул из своего горла

Петр опять громко рассмеялся и, повернувшись к Дядюшке, промолвил:

– Я думаю, вы будете два сапога пара. Мой товарищ очень любит слушать разные истории, разинув рот. Но и сам иногда не прочь прихвастнуть.

– Обижаеть Петр, – наконец сказал первые слова Дядюшка, – все мои истории чистейшая правда! И если есть в них хоть толика лжи, то человек, который уличит меня в этом, может смело плюнуть мне в лицо! На том стояла и стоять будет...

– Хватит, хватит! – Петр замахал руками, – Вот ему, – Он указал на меня, – будешь свои байки, пардон, наиправдивейшие истории рассказывать. Времени у вас будет навалом и возможности удивить друг друга чем-то необычным, тоже.

Ступай на улицу, Иван сейчас выйдет.

Петр дождался, когда Дядюшка уйдет и, повернувшись ко мне, все это время молча стоящему, сказал следующее:

– Дядюшка, именно тот человек, который знает бомжовскую жизнь Петербурга как свои пять пальцев. Я тебе потом

о нем много чего интересного расскажу. А пока знай одно – этот человек в беде тебя не бросит и будет немножко тебе помогать выжить на дне нашего города. Если он тебе скажет – беги, ты должен бежать. Если скажет – лежи, ты должен лежать. Все понял?

– Все понятно отец родной! Не переживай, выживу! И вот уж тогда ты у меня попляшешь!

Петр улыбнулся и обнял меня за талию.

– Я буду искренне рад, если я проиграю. Ну, ступай, пора.

Я вышел из парадной, посмотрел без обычной улыбки на свой дом и, увидев стоящего поодаль Дядюшку, пошел к нему.

– Куда будем путь держать? – Дядюшка вопрошающе взглянул на меня.

– А пойдем мы любезный Дядюшка, на Московский вокзал. Вернее, чтобы не испортить сразу о своем образовании мнение у Вас высокочтимый сэр, скажу так – мы пойдем к Московскому вокзалу.

– К Московскому, так к Московскому. – Дядюшка пожал плечами и высокопарно спросил, – Будет ли мне дозволено облагородить нашу прогулку приятным и нравоучительным рассказом?

Если бы у меня на душе не было настолько тревожно, то я бы расхохотался в полный голос.

– Сделайте одолжение Дядюшка! Я весь в Вашем внимании.

– Ты только постой здесь минуты три, я папиросы забыл купить, загляну в магазинчик.

– Без вопросов, погода хорошая, пока понежусь на солнышке.

– Ну, вот и славненько. – Дядюшка скрылся в дверях круглосуточного магазинчика.

Я, зажмурившись под лучами ласкового солнца вяло напевал про себя песенку о погоде.

– У Вас прикурить не найдется?

Рядом со мной стоял парнишка, лет примерно семнадцати. В рваных до нельзя джинсах, и просто слепящей глаза своей белизной модной курточке.

Я, ни слова не говоря, вытаскиваю из кармана коробок спичек и протягиваю парнишке. Он повертел коробок в руках, вякнув, что-то наподобие: «Спасибо», размял сигарету и говорит:

– А почему спички? Зажигалкой то ведь удобнее.

Я, опять так же молча, все еще продолжая блаженствовать под солнечными лучиками, лезу в тот же карман и достаю зажигалку «Крикет». Он прикурил, смешно чмокая губами, протянул мне зажигалку, посмотрел на меня несколько секунд и говорит:

– Занятный у Вас карман, типа, что ни попросишь, в нем все есть. Небось, и конфеты найдутся, если я попрошу?

Я молча достаю из того же кармана леденец «Бон Пари» и протягиваю пацану. Он с безумным блеском в глазах берет

его и ошарашено смотрит на меня.

– А может у Вас...

Но я не даю ему договорить, так как вижу выходящего из магазина Дядюшку. Уже на ходу, поворачиваюсь к пареньку.

– Ты потратил все три своих желания, надо всегда знать, что просить.

Мы с Дядюшкой отошли, наверное, на целый квартал, а этот бедолага, так и стоял соляным столбом.

– Вы хотели рассказать мне поучительную историю. Я весь внимание. – Напомнил я Дядюшке об обещанном рассказе.

– Есть у меня любимый дядюшка...

– Как?! – Я даже остановился, – и у Вас есть дядюшка?

– Что же тут странного? У очень многих людей есть дядюшки. Замечу – и тетушки. А уж бабушки и дедушки...

– Все, все, я понял, – Я поднял руки вверх и наклонил голову. – Был неправ, исправлюсь.

– Верю сын мой. Итак, слушай.

История первая и вторая (могила и церковь)

«Есть у меня любимый дядюшка. Не то, чтобы он был действительно моим любимым дядюшкой, но с детских лет при встрече мне приходилось выслушивать одну и ту же фразу: «Поздоровайся с любимым дядюшкой».

Я настолько к этому привык, что со временем и сам стал называть его любимым.

Он был большой любитель рассказывать разные истории из своей жизни. Все истории отличались таким колоритом

красок и форм, что временами приходила мысль о сомнительности всего рассказанного. Тем более все, что случилось с моим дядюшкой, произошло почему-то в его бурной юности или немного позже, а последние десять лет как бы выпали из поля зрения моего родственника.

Все свои истории он начинал словами: «Когда я был молодой, высокий и красивый ...». Обычно истории рассказывались за столом во время какого-нибудь праздника. Выпив рюмочку водки и немного закусив, дядюшка предавался своим воспоминаниям. Как-то, против обыкновения, за столом долго не было слышно его несколько возбужденного голоса, но вот раздалось легкое покашливание, и мы обратились в слух.

– Когда я был молодой, высокий и красивый, то жил я в деревне и был счастлив как все молодые люди в пору своей юности. Пять лет назад, закончилась война, и мне казалось, что жизнь прекрасна. Километрах в десяти от нашей деревни находился небольшой городок, который был сильно разрушен во время войны, но довольно-таки быстро восстановлен силами пленных немцев. Когда их дразнили фашистами, то они не обижались, а говорили, что они не фашисты, а просто солдаты.

По этому поводу: знавал я одного человека, который рассказывал про своего знакомого, как тот в непонятное время 1917 года был одновременно членом трех партий, в том числе и большевистской. Он даже подумывал о вступлении в ря-

ды четвертой партии, когда большевики взяли власть и все его сомнения относительно того, в какой партии быть отпали сами собой. Он стал только коммунистом. Правда, во времена гражданской войны, находясь на занятой белогвардейцами территории, если его спрашивали: «Ты большевик?», то он с возмущением заявлял:

– Я член партии конституционных демократов.

Или,

– Я член партии социал-революционеров.

В зависимости от того, кто его спрашивал. В особо критических случаях он оказывался и вовсе беспартийным.

Так вот, в один из вечеров я направился в клуб, который находился в городке, на танцы. Любил я в молодости потанцевать, особенно с хорошенькими девушками. Если я сейчас танцую по высшему уровню, вы это знаете, то можете себе представить, как я отплясывал раньше.

В клубе народу было много, в основном городские ребята. Все девушки, естественно, хотели танцевать только со мной. Моя неотразимая красота и природная галантность действовали на представительниц прекрасного пола как удар грома в ясную погоду. Обычно они скапливались около меня в надежде, что я обращу на них хоть толику своего благосклонного внимания.

Дело доходило даже до того, что девушки кидали между собой жребий – кому первой разрешалось пригласить меня на танец. Правда, это еще не гарантировало моего согласия,

но позволяло как-то упорядочить стихийность приглашений на очередной танец.

Сами понимаете, что все вышеизложенное отнюдь не приводило в восторг

других юношей, которые не обладали хоть частью моих достоинств. Я об этом подумал только тогда, когда человек пятнадцать пригласили меня выйти на улицу и обсудить создавшееся положение. Человек я не робкого десятка, силенка у меня была и в молодости, мой правый удар обладал сокрушительной силой и поэтому я совершенно спокойно вышел из клуба.

Увиденное заставило содрогнуться даже мое мужественное сердце. Казалось, меня поджидали все парни города. Лица их были испуганы – они понимали, с кем имеют дело, но их было много и чувство толпы поднимало их настроение. Стиснув зубы, собрав всю волю в один комок гнева, я ринулся в бой. Эти молокососы полетели от моих ударов направо и налево. Атака следовала за атакой, и я уже видел луч победы, но здесь появилось подкрепление у моих соперников, вооруженное древним оружием, называемым дубинами. Я всегда хорошо относился к своему здоровью и поэтому решил оставить поле боя победителем. Короче, я бросился бежать.

Бежал я легко и свободно, и вскоре мои преследователи остались далеко позади. Лишь отдельные нестройные крики долетали до моего слуха. Но потом и они перестали быть слышны. Неблизкий путь мой до родной деревни пролегал

через кладбище. А так как время близилось к полуночи, то я решил преодолеть этот участок по возможности быстрее. Перепрыгивая через могилы и огибая кресты и деревья, легкий как ветер, неся я подобно благородному оленю.

Неожиданно нога моя не встретила твердой опоры, и полетело мое тело куда-то вниз. Удар был ощутимый. Я лежал на спине, широко раскинув руки, ноги мои были согнуты и находились над головой. Перед глазами раскинулось безбрежное море звезд и звездочек. Сначала я решил, что нахожусь в бездонном колодце, высокие стены которого уходили, казалось до самого неба. Лишь спустя некоторое время я понял, что это могила. Обыкновенная свежерытая могила. Оно, конечно, мало приятно оказаться в могиле, но все-таки немного успокоило. Как-никак неизвестность пугает больше всего.

Кряхтя и потирая ушибленные места, я встал на ноги и попробовал вылезти

из могилы. Как назло, ночь была очень темная, и даже вытянутую руку было трудно разглядеть. Могилы раньше рыли не то, что теперь – глубокие.

Осознав всю бесполезность своих попыток и изрядно устав, я принял соломоново решение: переспать до утра в этом печальном месте, а поутру покричать и пошуметь, может быть, меня услышат и помогут выбраться.

Обернувшись в противоположный угол могилы, я вздрогнул. Сердце гулко забилося, и перед глазами поплыли круги.

На меня смотрели два ярких зеленых глаза!

Сердце мое не выдержало, и я рухнул в беспамятстве.

Когда я пришел в себя, то почувствовал, как надо мной кто-то сопит. Приоткрыв глаза и увидев склонившуюся бо-родатую и рогатую морду, я закричал, что было сил. Решив, что сам дьявол пришел по мою душу и собирается забрать с собой в ад, я полностью отчаялся.

Однако глаза мало-помалу привыкли к темноте и перед моим взором обрисовались очертания обыкновенного козла. Моему облегченному вздоху, пожалуй, мог бы позавидовать могучий медведь. Ласково потрепав козла по морде, я уютно устроился на мягком боку моего товарища по несчастью.

Когда глаза уже слипались, и сладкая дрема застилала мой мозг, неожиданно послышался далекий стук копыт и негромкое понукание. Вскоре я явственно услышал, что по дороге кто-то едет в телеге. Радуюсь своему скорому освобождению, я начал громко кричать и взывать о помощи. Через несколько минут на фоне неба выросли две мужские фигуры. Один из мужиков держал в руке топор, а второй оглоблю.

– Кто тут?

– Да парень я, упал вот в могилу и не могу вылезти.

– А ты не черт?

– Да какой я черт. В соседней деревне живу.

– Ну, погоди, за веревкой схожу.

Один из мужиков исчез и вскоре появился с мотком хо-

рошей веревки. Кинув в темное пространство могилы часть веревки, он спросил:

– Держишься?

– Сейчас, сейчас.

Схватив веревку, я неожиданно подумал о козле. Что же ему бедняге так и пропадать здесь. Быстро обвязав его поперек туловища и под передние ноги, я крикнул:

– Тяните!

Мужики начали выбирать веревку. Над краем могилы появилась козлиная борода с рогами.

В ночи раздался душераздирающий вопль.

Козел всей своей массой шлепнулся мне на голову. Я упал, вдыхая жуткий аромат козла вместе с его шерстью. Вдали затих топот копыт и страшные крики мужиков, а мы опять остались вдвоем. Выплюнув остатки шерсти, я свернулся калачиком и начал дремать. Мою дрему временами прерывал козел, который поднимал морду к небу и блеял так жалобно, что сердце мое замирало.

Однако сон мой был недолог. Примерно часа через два, со стороны близлежащей деревни начал приближаться какой-то шум, и вскоре уже можно было разобрать крики, исполненные гневом и злостью. Я понял, что кого-то хотят убить и не просто убить, а затоптать в землю так, чтобы и духа его не стало. Поминался бог и черт, причем черт, как я понял, доставил кому-то большую неприятность.

На меня посыпался песок. Могила осветилась светом фа-

келов. Вокруг нее стояли мужики с топорами, косами и вилами. Они изумленно взирали на меня и молчали.

О дальнейшем продолжении этой истории дядюшка распространяться не стал, добавив лишь, что мужики оказались грубыми и невоспитанными людьми. Им, понимаешь ли, не понравилась шутка с козлом. Хотя дядюшка шутить и не собирался.

Обычно истории не рассказывались дважды и только в редких случаях, по просьбе слушателей, дядюшка с большой неохотой мог вкратце пересказать интересовавшую любопытствующего историю. Один из таких рассказов я услышал впервые и был потрясен необычностью сюжета. Хотя моя родственница говорит, что в первом пересказе слушать дядюшку было интереснее, тем не менее, я позволю себе привести этот рассказ.

«Когда я был молодой и красивый, то водки в рот не брал, а потому относился с большим непониманием к различного рода пьяницам. Это сейчас могу позволить пропустить рюмочку – другую на праздник, а раньше ни-ни.

И жил в нашей деревне распоследний алкаш Вячеслав Иванович Худык. Вид он имел импозантный: глубоко посаженные глаза, резко выдающийся кадык, тонкие губы и сильная худоба даже произвели неизгладимое впечатление на заезжего художника, который и набросал портрет Худыка. Назвал ее «Поволжский крестьянин. Голод. 19 век». Что стало с художником, не знаю, но картину видел спустя много лет

на одной из выставок в Москве.

Как сейчас помню, дело происходило в понедельник вечером в конце июня. В нашу деревню пришла бригада, каких-то здоровых мужиков и начала развешивать почти на каждом доме удивительную агитку. На ней было написано «Мужики и бабы! В субботу состоится торжественное уничтожение очага мракобесия и религиозного фанатизма. За оставшиеся дни было бы здорово отметить в церкви свадьбу или похороны, чтобы вы все запомнили какой это обман и темнота. Мужики! Бабы! Дружно пойдем на похороны или свадьбу и заклеим своим гневом попов и церкви».

Читая данную агитку, я стал свидетелем разговора Вячеслава Ивановича с церковным старостой. Великий алкаш был еще относительно не пьян и поэтому песен не пел, но к беседе уже тянулся.

– Эй! Староста! Никодимыч. Как же так, церквуху то закроют, а?

– Ты мил человек чему радуешься? Горю людскому.

– Го-орю? Какому горю, когда советская власть мне глаза на тебя открыла, паразита.

– На меня ли, Иваныч? Я думаю, на зеленое зелье она тебе глаза открыла. Я тебя за работой еще ни разу не видел. Пить да гулять, вот и вся твоя работа.

– Работать должны вы, паразиты, а мы свое давно отработали на вас. Ничего, недолго тебе песни петь, последние дни вашей церквухе осталось жить.

Довольный собой и проведенной беседой Вячеслав Иванович Худык поплелся дальше. (Я, кстати, называю этого алкаша полным именем, так как он всегда любил представляться незнакомым людям по имени отчеству, что было не характерно для деревенского жителя).

На следующий день под вечер Худык валялся около своей избы и не подавал признаков жизни. К этому состоянию все уже привыкли и спокойно проходили мимо. Часа через два около Худыка уселась собака и подняв морду к небу тихо завывала. Бабка Марьяна, соседка Иваныча, всполошилась и бросилась бежать по деревне с криками.

– Умер Иваныч, умер соседушка!

на место деревенской трагедии начал сбегаться народ. Стали звать фельдшера. Однако он отказался идти по причине сильной головной боли с похмелья.

– Смотрите мужики сами, ежели холодный – значит покойник, а ежели теплый, то ждите, когда похолодеет.

Мужики не стали дальше слушать и, подхватив упирающегося фельдшера подмышки, поволокли его к предполагаемому покойнику.

Тем временем бабы успели перевернуть Худыка на спину и сложить ему руки. Бдительная собака выть перестала и смотрела на людей чересчур печально и трагично. Какая-то бабка не выдержала и начала громко причитать. Когда фельдшер был доставлен на место, то вокруг слышалась плаксивая многоголосица. Поодаль стояли три мужика,

из тех, что развешивали агитки и радовались человеческой смерти как народному празднику.

Фельдшер брезгливо приоткрыл глаз Вячеслава Ивановича, зачем-то потрогал лоб и мрачно промолвил:

– Покойник мертв.

Плач баб и радость мужиков достигли своего апогея.

К ночи покойник был положен в гроб и отнесен в церковь. Я ко всему этому отнесся довольно спокойно по причине своих крепких нервов и железной воли тем более, что ночью у меня должно было состояться деловое свидание с очаровательной подружкой.

Настала ночь. Я был в блаженстве. Моя девушка по достоинству оценила мое внимание к своей особе. На прощание я предложил слазить в церковь и посмотреть на покойника, так сказать на десерт. Какое-то время моя подруга отнекивалась, но любопытство победило. Однако уже около церкви она отказалась наотрез и, чтобы не терять своего достоинства я полез в церковное окно один.

Было темно, горела только одна лампада. Подойдя к гробу, я стал оглядывать церковь. Хотя по натуре я и смелый человек, но вид покойника в церкви ночью навевал на меня мрачные мысли. Непроизвольно я перекрестился и собрался уже выбираться наружу.

На мое плечо легла рука, и раздался голос:

– Чегой-то ты тут делаешь, парень?

Я поворачивал голову, наверное, целую вечность. В гробу

сидел Вячеслав Иванович и смотрел на меня.

От моего вопля содрогнулась церковь, и десятки голубей с шумом поднялись в воздух с ее крыши. С улицы раздался не менее ужасный крик моей подруги.

– Ты это че? Я это где?

Худык свесил ноги и тупо оглядывал окружающие его иконы. Не менее тупо я спросил:

– Ты кто?

– Ты парень видно пьян, кой черт затащил меня в церковь?

Медленно приходя в себя, я стал немного догадываться о причинах появления Вячеслава Ивановича в столь странном положении. Видимо фельдшер с похмелья не разобрал, что Худык просто сильно пьян, а не мертв, а тот в свою очередь отоспался и от холода проснулся. Кстати, когда через несколько лет он все-таки умер, то пару дней лежал около дома никем не потревоженный. Все думали, что он как всегда шибко перепил.

Успокоившись, я вкратце обрисовал Славе создавшуюся ситуацию. Покойничек развеселился, и от его неудержимого смеха погасла лампада. Стало опять немного жутко, поэтому я предложил выбираться из этого не очень веселого места.

– Родной мой, ты почему кричал?

Моя подруга видела, что кто-то лезет в окошко, но не могла разглядеть лица.

– Смешно было.

Ответил Худык и с шумом свалился около несчастной девушки. Увидев живого покойника, моя лапочка дала такого стрекача, оглашая сонную деревню воплями о помощи, что я, в данный момент, вылезая из окна, упал обратно в церковь.

На этом рассказ дядюшки закончился, и мы так и не узнали, чем же закончилась эта история».

– Вот видишь, как за приятной беседой можно дорогу скоротать. Будьте любезны – Московский вокзал.

Дядюшка размашисто махнул в сторону. Впереди вырисовывался силуэт стелы на площади Восстания.

Я давно не был в этой части города, но сразу вспомнил обиходное название сего монументального сооружения, поставленного в правление Горбачева и, по мнению абсолютного большинства горожан только изуродовавшего вид площади.

– У меня есть предложение обосноваться именно на этом вокзале. – Дядюшка вопросительно посмотрел на меня.

– Вы знаете дорогой Дядюшка, я ведь и сам собирался вчера своего вынужденного пребывания в бездомной ипостаси проводить именно на Московском или Витебском вокзале. Поэтому возражений не имею.

– Вот и чудненько! Тем более, что здесь меня многие знают, а это не маловажно. Да и я многое знаю о местах дислокации бомжей и представителей закона.

Мы свернули с Лиговского проспекта на Невский, и двинулись к центральному входу на вокзал.

Я посмотрел на Дядюшку с большим интересом и решил спросить его о давно мучившем меня вопросе:

– Дядюшка, я все больше и больше удивляюсь Вам. Ваша речь не состыкуется с моими представлениями об опустившихся людях, коими, как бы то ни было, являются бомжи. Вы знакомы с Петром и видимо, хорошо знакомы, а это тем более удивительно, так как я Вас вижу в первый раз! Хотя с Петей вырос практически вместе с пеленок! Как такое может быть?

Дядюшка остановился перед входом, достал беломорину, неспешно закурил, и явно наслаждаясь от затяжек табака, сказал:

– Я расскажу о себе обязательно. Отвечу на все Ваши вопросы и рассею все Ваши сомнения. Но это будет потом. Через месяц. А пока давайте вступим в жизнь, о которой Вы знали только понаслышке. Прошу!

И Дядюшка широким жестом толкнул дверь.

– Убива-ают!!!

Я содрогнулся и шарахнулся в сторону.

Около скамейки мужчина громадного роста, с синим носом, отдающим блеском вороненой стали, держал за шиворот явно бомжиху неопределенного возраста и не торопясь, размахиваясь, бил ее своим огромным кулаком.

Женщина орала и пыталась вырваться. Она начала быстро рвать на кофте пуговицы, чтобы выскользнуть из нее и освободиться от «молотобойца».

– Э-э, а мы не должны... – Начал было говорить я, внутренне содрогаясь от воплей.

– Нет, не должны. – Быстро понял меня Дядюшка.

Он посмотрел с сожалением на бомжиху и назидательно добавил:

– Никогда, ни во что, нигде! Не вмешиваться. Таков закон выживания на этом дне жизни. Во всяком случае, пока ты не приобрел хоть некоторое признание от других бомжей. Законы здесь очень жесткие и жестокие.

Как видишь, никто другой не вмешивается в это избиение. И поверь мне – если кто-то неизвестный, а ты сейчас относишься к этой категории, начнет вмешиваться, то через пару минут здесь будут другие знакомые этого господина. И тебе мало не покажется.

Да и подруга эта, которую сейчас видишь, уж поверь мне, вступит в потасовку не на твоей стороне.

– Я постараюсь запомнить. – Несколько ошарашено проговорил я. Порядочки тут, понимаешь ли.

– Милиция тоже на подобные вещи старается глаза закрывать. – Проговорил Дядюшка.

– Почему? – Удивился я.

– Если с каждым бомжом разбираться, то здесь потребуется целая рота ментов. Особенно вечером. Но ты правильно

пойми, порядок на вокзале есть и бомжи, да и просто хулиганье разное, это знает. Слышал, наверное, такое выражение: бойцы невидимого фронта? Вот и здесь они существуют.

Мы шли по внутренним дворам вокзала, и я все больше убеждался, что прожить целый месяц в состоянии бомжа будет совсем не просто. Причем не просто – это еще мягко сказано!

Все вокруг было не привычно для обычной жизни, в какой раньше я обитал. Здесь витал какой-то свой, особенный аромат города. Проходя мимо различных групп людей, вместе с косыми взглядами ощущались прямо-таки волны подозрительности, недоверия и ненависти.

Многим из нас знакомо чувство, когда тебе недобро смотрят в затылок. Так вот здесь казалось, что недружелюбно смотрят со всех сторон! У меня начало ломить в голове.

«Господи, я всего лишь полчаса в этой шкуре, а мне уже безумно хочется домой!» – подумал я. «Может плюнуть на это дурацкое пари и вернуться? Женюсь на Мирке, тем более все равно я хочу жениться именно на ней, а не ком то другом».

Я тяжело вздохнул, посмотрел на Дядюшку, не спеша идущего чуть впереди и уже было открыл рот, чтобы сказать о своем желании, но тут мой напарник повернулся, и как обычно пристально глядя в глаза, сказал:

– Конечно, можно наплевать на пари, развернуться и спокойно вернуться в свою жизнь. Все это можно. Уважать тебя

за это меньше никто не станет. Тем более, почти никто об этом договоре и не знает.

Дядюшка помолчал, достал папиросу и не торопясь закурил. Я тоже молчал, так как понял, что Дядюшка сейчас скажет что-то важное, возможно нужное для меня.

– В жизни каждого человека бывают моменты, когда надо по-другому посмотреть на мир. Я не говорю, что жизнь надо в корне менять. Но знать другую изнанку жизни, города, в котором ты живешь – надо.

И еще: самый тяжелый всегда первый день, везде, в любой обстановке. Потом будет легче, намного легче. В армии ведь служил? – Скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Дядюшка.

Я молча кивнул.

– Вот так и здесь. А на первых порах я тебе буду немного помогать, чтобы не совсем забросить тебя в пекло дна города.

– Хорошо, – тихо сказал я, собираясь с мыслями – Вы, наверное, правы. Я стисну зубы и выдержу.

Да, выдержу! – Уже громко и увереннее сказал я. – Назло всему!

– Вот и молодец! Ты, кстати, не обижайся, что я сразу перешел на «ты». Так будет значительно легче именно тебе. И меня называй на «ты». А то, как-то странно будет, бомжи, а друг другу выкают.

– Договорились Дядюшка. – Уже значительно бодрее про-

говорил я. – И позволь тогда вопрос, тебя называть как, Дядюшка? Или в этом прекрасном обществе у тебя другая кличка?

– Вот молодец, исправляешься! Звать меня здесь, да и в другой жизни, о которой как обещал, потом расскажу, именно Дядюшка. Ну вот, пошли братец дальше. Покажу тебе все клоачные места сего прекрасного вокзала.

Слово «прекрасный» говорю без издевки. Я очень люблю этот вокзал и вообще весь Питер. Между прочим, если ты думаешь, что в Москве меньше таких выгребных мест, то сильно ошибаешься. В Москве их еще больше. Город больше и разной гадости больше.

Клоачные места меня не порадовали. Я предполагал, что жизнь на «птичьих» правах не сахар, но увиденное вызывало во мне чувство брезгливости и жалости. Это как будто идешь по центральной улице, везде огни, реклама зазывает в хорошие магазины и рестораны, а потом сворачиваешь на тихую улочку, и мир меняется. Всего-то несколько шагов, а все уже по-другому. Ни рекламы, ни сияющих огнями бутиков. Даже прохожие, которые попадают на глаза, кажутся одетыми иначе, проще, не вызывающе.

Первая ночевка

В первую ночь мы с Дядюшкой ночевали в каком-то полуподвале, в здании недалеко от разъездных путей. Что это за здание и для чего оно служит, я так и не понял. А Дядюшка на вопрос ответил, что-то невразумительное, типа таких

зданий и зданьицев здесь полно и для чего они нужны, одному Богу известно.

– А нас отсюда не погонят? – Мне было не очень уютно на каких-то полатах, но уходить уже не хотелось. От одной мысли, что придется опять искать ночлег, мне становилось плохо.

– Нет, сегодня не погонят. Но утром надо будет рано уйти, будет обход.

– Откуда ты знаешь? – Я удивился. Вроде весь день провели исключительно вдвоем. Почти ни с кем не заговаривали, а поди, же ты, Дядюшка знает, что ночевать можно спокойно.

Правда, когда мы днем перекусывали у ларька, Дядюшка купил все-таки на свои деньги гамбургеры и пиво, предупредив, что это в первый и последний раз, так вот там только и перекинулись парой, по моему мнению, незначащих фраз с какими-то другими бомжами. От этих двух бомжей несло смрадом так, что я все старался встать с наветренной стороны.

– Мне ребята сказали, сегодня ночью обхода в этой части не будет.

– Что-то я не помню такого. – Удивился я. – Они говорили о Митриче, который с женой помирился. И все, пожалуй.

– Верно. Митрич помирился с женой, значит, она к нему сегодня придет, и он обходить не будет. А утром, чтобы по участку не было замечаний он быстренько все obeжит. При этом будет гнать вшаей все, что под руку попадется, от бом-

жей до бездомных собак. Мужик он здоровый, под руку лучше не попадаться.

Так, давай спать. Утром рано вставать, и я пойду знакомить тебя с местным контингентом. Сегодня они на тебя посмотрели, составили мнение, поэтому завтра мы сразу увидим, в какие группы тебе можно будет ходить, а куда лучше не соваться.

– Лучше сейчас расскажи, я обдумаю за ночь все.

– Нет. Завтра. Пока дойдем до основных клоповников, я тебе все и объясню. Спокойной ночи Ваня.

– Спокойной ночи. – Тяжело вздохнул я и постарался поудобнее устроиться на лежаке. Что-то я за этот день развздыхался, да все тяжело как-то. Поплакать что ли в подушку, говорят, помогает, когда плохо на душе. Жаль, подушки нет, а то точно бы разрыдался от переизбытка негатива.

С мыслями о Мирке я не скоро, но заснул.

Проснулся от ощущения, какого-то дискомфорта. Было чувство, что по мне кто-то ходит. Я испуганно открыл глаза. Нет, мне не почудилось! На моем животе сидела огромная крыса и спокойно мыла свою мерзкую зубастую мордочку!

– А-а!!! Тварь! Убью сволочь!

Я заорал так как, наверное, никогда не кричал в жизни.

Крыса, однако, даже не думала слезать с моей груди. Она смотрела мне в глаза, с каким-то удивлением и даже брезгливостью.

Краем глаза я заметил, что Дядюшка не спит и тоже на-

блюдает за мной. Наблюдает со спокойствием и даже интересом.

Резко смахнув крысу с себя, я вскочил с лежака и, подпрыгнув, наступил на мерзкое животное, всей массой своего тела пригвоздил ее к полу. Крыса даже не успела пискнуть. Похоже, у нее был сломан позвоночник.

– Это хорошо, что ты ее убил сразу, – заговорил Дядюшка, – иначе она бы запищала и неизвестно, сколько ее сородичей прибежало бы сюда. Особенно если она состояла на верху иерархии крысиной стаи.

– Как это? – Все еще внутренне переживая случившееся, спросил я. Поискал глазами по сторонам, увидел подобие совка и подправляя ногой трупик животного, подцепил тушку на совок.

– Очень просто. Крысы живут стаями и приходят на помощь друг другу. Ты разве не читал о жутком случае с одним из дворников?

– Каком случае? – Я замер с поднятой ногой, собираясь выйти из полуподвала, чтобы выбросить тушку.

– Иди, выброси, только подальше, а потом я тебе расскажу. Все равно уже скоро вставать. Рассвет уже начинается.

Я вылез на свежий воздух, и аккуратно размахнувшись, далеко бросил убитое животное вместе с совком.

Вернувшись, застал Дядюшку за непонятным занятием. Тот брызгал из маленького баллончика неприятно пахучую жидкость на пол и проем входа. Побрызгав, завернул колпа-

чок и спрятал в карман штанов.

Что это у тебя, что за жидкость? – Спросил я, пригнувшись к неприятному запаху.

– Это жидкость для отпугивания крыс и мышей. Такие производят в ВПК.

– Где-где производят?

– На одном из предприятий Военно-Промышленного Комплекса. Разработка старая, давняя, но жидкость как это говорят, работает.

– Дядюшка, – я улыбнулся впервые за прошедшие сутки, – ты-то хоть мне на мозги не капай. Нет таких средств, а если бы были, то почему их нет в продаже?

– Нет их в продаже по простой причине – производство этой жидкости очень дорогое. Что в ней только не намешано! Выпускается в очень ограниченных количествах и по спецзаказу.

– Интересно, каким это боком ты причастен к спецзаказу? Или у кого-нибудь спер, прости уж за грубое слово?

– Нет, не спер. Все это и многое другое относится к моей прошлой, а частично и к настоящей жизни, о которой я тебе уже в десятый раз говорю, расскажу значительно позднее.

Я почесал чисто по-мужицки затылок. Потом зачем-то поскреб под мышками и с ужасом сообразил, что мне хочется чесаться и чесаться.

«Мать честная! Так это же блохи!» – С содроганием решил я, брезгливо выскрябывая со своего тела невидимых

тварей.

Дядюшка тихо засмеялся. Он дружески похлопал меня по плечу и успокоил:

– Не волнуйся. Здесь блох нет. Я периодически обрабатываю помещение. А вот крыса появилась здесь в первый раз. Видимо ты пахнешь вкусно. Шучу, шучу! Больше крыс здесь не будет. Чешешься ты от волнения и пережитого небольшого стресса. За последние сутки у тебя так много новых событий было, что не мудрено зачесаться.

Я успокоился и задал вопрос, мучивший меня после пробуждения.

– Скажи Дядюшка, а как бы ты поступил, если бы крыса успела позвать своих товарок? И они массово сюда прибежали?

– А я бы их перестрелял.

Совершенно спокойно и со своей вечной тихой улыбкой, ответил тот.

– Перестрелял? Чем перестрелял?

Дядюшка молча полез в глубину своего неказистого пиджачка и достал, вот это да! Пистолет с глушителем! Я неплохо разбираюсь в оружии и могу смело утверждать, что такую модель я видел впервые.

– Ну, Дядюшка, ты меня поражаешь каждый час! Я давно понял, что ты совсем не простой мужик, но теперь уже ничему не удивлюсь! Даже если ты окажешься генералом ФСБ.

Дядюшка спрятал пистолет и как-то с некоторой гордо-

стью проговорил:

– Генерал, не генерал, но тоже не лыком шит. Ладушки, давай пойдем, сполоснем наши лица и двинемся знакомиться.

Хоть у бомжей и не принято каждый день мыться, но я все-таки не могу не ополоснуть лицо после сна. Дурная привычка.

Проходя мимо свежевыкрашенного одноэтажного неказистого зданьица, я обратил внимание, что на одной стене под краской четко выделяется надпись аршинными буквами. Букв было три. Я усмехнулся про себя, вспомнив историю, которая приключилась во время моей учебы в институте.

При институте было общежитие, причем совместное, то есть не отдельно мужское или женское, а общее. Но, правда разделенное поэтажно и с отдельным входом. Но речь не об этом. Однажды ночью какой-то придурок написал на стене известное слово из трех букв. Причем не просто написал, а вывел его чуть ли, не двухметровой величины. На фасаде. Здание было окрашено в стандартный серо-желтый цвет, а слово было написано черной краской.

Утром комендант схватился за голову, устроил полный разнос дежурившей ночью вахтерше и велел дворнику закрасить похабную надпись. Дворник размешал имеющуюся желтую краску и старательно закрасил прямо поверх черной надписи. После этого матерное слово приобрело цвет грязно-оранжевый, но уверенно читалось на стене. Комендант

брезгливо отругал всех, кто попался под его горячую руку, и повелел закрасить всю фасадную стену другой краской, не желтой. Мало того, что для этой работы пришлось вызывать бригаду маляров, но после покраски стена приобрела блекло-серый цвет с выделяющимся трехбуквенным матерным словом. Слово было выпуклое, из-за количества слоев краски. Вблизи слово не очень выделялось, а вот с расстояния отчетливо все читалось. Дело, кажется, дошло уже до ректора института, который объявил выговор коменданту за порчу здания, а комендант в свою очередь устроил повальную проверку всех комнат в общежитии и заявил, что больше не будет закрывать глаза на ночные перемещения между мужскими и женскими этажами. Вечером самые «умные» студенты взяли зубило и выдолбили все слово до кирпичного основания стены! На следующий день комендант попал в больницу с сердечным приступом. Оно и понятно. Я бы тоже, увидев фасадную стену с выдолбленной до кирпичей двухметровой надписью, из трех известных букв почувствовал себя не в своей тарелке. Дело кончилось тем, что весь фасад до середины окон на первом этаже завесили плакатами типа «Да здравствует наша страна!». Ура, товарищи!

Как будто прочитав мои мысли, Дядюшка стал рассказывать:

– Один мой хороший знакомый, работали с ним вместе какое-то время, жил в приватизированной трёхкомнатной квартире. В стандартной московской пятиэтажке. А потом

его дом пошел под снос, поскольку хрущобам в Москве объявлена война непримиримая. Ну, моему сослуживцу, соответственно, полагалась взамен трёшка же, но в новом доме. Однако по каким-то причинам дали ему не трех, а двухкомнатную. Он спорить не стал, так как жил один и обзаводиться семьей в дальнейшем тоже не собирался. Жил себе и радовался. Светит солнышко в окошко, птички летают, жизнь прекрасна! Но только однажды пришли к нему гости, походили по квартире, посмотрели, да и говорят:

– Знаешь что? Странно как все у тебя. Мы ведь живём в доме такой же серии, в такой же квартире, так же расположенной, но она у нас трехкомнатная. А у тебя почему-то только две комнаты. Как это так может быть?

Мой знакомый удивился, а потом задумался. Сходил он в ЖЭК, а затем и в БТИ. Там тоже поудивлялись, а потом пришли к нему большой комиссией. Стали все мерить и изучать принесённые чертежи и документы. Всё правильно, говорят, у Вас должна быть трёхкомнатная квартира. А где же она, третья комната? Нет ее. Попросили хозяина квартиры мебель от стен отодвинуть. Ну отчего же людям доброе дело не сделать, коли просят. Отодвинул. Чуть в раж не вошел, обои уже собрался отдирать! Но его успокоили, сказав, что обои могут и на стенах остаться. Стали стены простукивать, и вот тут открылась тайна Мадридского двора!

Оказалось, что при постройке дома, наши доблестные строители, одну из внутрикомнатных стен с дверным про-

ёмом заделали фанерными листами. И забыли. А потом пришла другая бригада, штукатуров, и все, комната была закрыта от всех глаз.

Хозяин квартиры, после ремонта открытой комнаты, устроил для всех знакомых большой праздник новоселья! Как говорится, и я там был, и мед там пил.

О профессоре

Первыми нам попались два невзрачных бомжа, как решил я, внимательно приглядевшись.

– Это дворники, оба коренные ленинградцы. Не повезло ребятам в жизни. Оба живут в общежитии, есть прописка, поэтому и могут работать.

Дядюшка внимательно посмотрел на меня и добавил:

– Не спрашиваешь, почему они дворники? Правильно, с этой минуты ты больше старайся ни меня, а других тем более, ни о чем не спрашивать. Захотят люди, сами расскажут. Не захотят, значит так и надо.

– О, какие люди! Надо же, как загордились, руки уже не дают!

К нам подошел довольно сносно одетый мужчина. Если бы не запах, исходивший от него, то можно было решить, что это вполне обычный, среднестатистический гражданин.

Но запах жуткого перегара и немытого тела сразу объяснял, что нам встретился, может не самый обыкновенный, но бомж.

– Хорошим людям всегда наше, здравствуйте! – улыбаясь, сказал Дядюшка. – А гордость, она пусть у других пониже спины чешется.

– Ха-ха, ну вот теперечя узнаю тебя, узнаю!

Мужчина расплылся в улыбке, предоставив для обозре-

ния свой практически беззубый рот.

– Ты я вижу, обновку поимел. Где это такие костюмчики выдают?

– Ха-ха, так это Профессор вернулся вчера. Всем нашим обновки привез, никого не забыл. Даже Чубу поганому, джинсы подарил.

– О, Профессор – это интересно! А где он сейчас поселился?

– Так он опять ушел брательника своего по Питеру искать. Вернется к вечеру. Сбор назначил у первой платформы.

– Спасибо дорогой. За информацию спасибо. Пойдем Ваня, перекусим. Ты знаешь, что и где будешь кушать?

Я замялся и вопросительно посмотрел на Дядюшку.

– Помогать я тебе с деньгами больше не буду, но подскажу, как добывать хлеб насущный. Не тревожься, воровать не придется, да и в помойках рыться тебя не заставлю. Все-таки ты мой подопечный, поэтому тебе в отличие от многих повезло значительно больше.

Мы подошли к небольшой двери. Дядюшка постучал, и спустя некоторое время дверь открылась. На пороге стоял молодой и красивый мужчина. Он брезгливо оглядел Дядюшку, кинул на меня еще более уничижительный взгляд, и сквозь зубы сказал:

– Вымыть полы и протереть все. Два гамбургера и бутылка пива на двоих. Час на все.

За этот час я устал так, как давно не уставал. Я вымыл до

блеска все полы, протер все бока шкафчиков, каких то тумбочек, стен в трех небольших помещениях и, о ужас! вымыл пол в маленьком туалете.

Если бы мне не помогал Дядюшка, который тоже трудился, не разгибая спины, то за час я бы точно не успел все сделать один.

«А ведь он наверняка эту работу раньше выполнял один». С тоской и уважением подумал о Дядюшке я, после завершения трудов.

– Вот какие мы молодцы, все сделали. Значит, завтрак заслужили.

Дядюшка улыбнулся и добавил:

– Пойдем, покушаем и я тебе объясню, почему тут не убирает уборщица.

Мы вышли из кафешки и присев на скамейку, начали не торопясь поглощать черствые и холодные гамбургеры.

Выпив ровно половину бутылки пива «Балтика 3», Дядюшка передал ее мне, достал грязный носовой платок, вытер губы и начал говорить.

– Этого молодого красавца зовут Нарцисс. Это не кличка, а его настоящее имя. Но оно ему, как ты сам заметил, очень подходит.

Он приехал лет пять назад, из какого-то городка с Урала. Там был любимцем всех местных дам. Ну и видимо решил, что и здесь будет нарасхват. Поначалу ему сразу повезло, встретил буквально в первый день несмышленную дев-

чонку, петербурженку. Стал жить у нее. Эта дуреха вскоре его прописала. У нее была однокомнатная квартира в Купчино. Пожили они с полгодика, и она начала понемногу прозревать.

Работать он не хотел, жизнь для него, в его представлении, должна быть исключительно в развлечениях и кутежах. Обеспечивать его светлость должна она. Или кто другая.

Он ей прямо сказал, что если она кормить мальчика не будет и денег на развлечения давать не будет, то он, нет, не уйдет, а приведет другую женщину. И будут они жить все вместе.

Так вот эта девчужка, Ольга, работает здесь в кафе. А он, этот глист, как бы ее контролирует, чтобы знать, сколько она денег получает.

Вот такая веселая история.

– Я просто потрясен! Много я в жизни дур видел, еще больше мужиков сволочей, но твой рассказ дополнил мою коллекцию. Пожалуй, эта история займет верхнюю строчку парада.

Я посмотрел на дверь кафе так, как будто там было нарисовано, что-то потрясающее и необычное.

Дядюшка достал свой любимый беломор, закурил, поерзав сел поудобнее на скамейке и спросил:

– Рассказывать тебе о Профессоре и его брате? Или ты предыдущий рассказ будешь пока переваривать?

Я встрепенулся, тоже сел поплотнее на холодное еще ос-

нование скамьи и бодро заявил:

– Я готов слушать тебя с глубочайшим вниманием! Каждое твое слово – это мудрость жизни.

– Ладно, свое почтение к моим речам ты мне после выскажешь. Ну, так слушай.

Лет десять тому назад началась эта прекрасная и грустная история. Прекрасная, так как наполовину она закончилась как в сказке, а грустная, так как она еще продолжается без света в конце тоннеля.

Жили-были два брата близнеца. Оба умницы, оба с головой дружили по-крупному. Оба работали в каком-то НИИ. Один из них Олег, знал в совершенстве шведский, а второй Игорь, также безупречно владел английским. Жили они в стандартной «хрущевке», в двушке. Олег был женат, а Игорь холост.

Жена Олега была довольно-таки вздорной и высокомерной дамочкой. Про таких говорят, с характером, но упаси Боже было с ней общаться. Съедала всех своим презрением. Как же! Она жена такого молодого профессора, а вы все остальные тьфу, мелочь пузатая.

Наступили печальные девяностые годы. НИИ практически перестало существовать, и народ разбежался. Два брата-акробата решили, что настали их времена и с головой кинулись в бизнес.

Дальше понятно?

Я кивнул, внимательно слушая. Наконец-то Дядюшка рас-

сказывал о вещах, которые чем-то были близки мне.

– Рассказывать, как братья потеряли все, что только можно, я не стану. Сам догадаешься. Люди, в то печальное и несладкое время, много чего теряли по-разному. Но те, кто не выплыл, оказывались на дне жизни. Естественно, если не вешались, не топились. Как сам знаешь, было много и таких.

И оказались оба вскорости здесь, на Московском вокзале. Точнее на его задворках. И на удивление для многих, они довольно быстро приспособились к этой особой жизни. Держались всегда вместе, как-никак братья родные, помогали друг другу во всем. И мечтали, мечтали, что еще смогут вернуться в нормальную жизнь.

Здесь все об этом мечтают. Хоть и не говорят об этом вслух, но мечтает каждый.

Так вот, однажды весной год назад братья оказались в районе морского порта.

Ремарка тебе, для сведения: обычно каждый бомж обитает на своей территории, дальше которой старается не выходить. Есть правда ходоки, которые бродят по всему Питеру или даже по всей России, но таких меньшинство. Поэтому, что братья делали в порту, одному Богу известно. Видимо судьбе так надо было.

И вот когда они там шастали, по своим непонятным делам, случилась забавная история. На паром, отходивший в Швецию, опоздала одна дамочка. Шведка. Она приехала на такси, когда паром уже отошел.

Дамочка начала бегать по пристани, что-то возмущенно крича на своем ненашенском языке. Ладно бы еще по-английски, как-никак английский у нас некоторые понимают. Так ведь, что она вопила, как сирена, никто разобрать не мог.

Представь теперь картину – к ней подходит откровенный бомжеватый мужик, в потрепанном одеянии и начинает изъясняться на ее родном шведском языке. Дамочка в приятном шоке, все вокруг тоже. А Олег, это был он, ко всему прочему достает из своего выдавшего вида пиджака визитку и отдает шведке. При этом объясняет, что по координатам на визитке его теперь не найти, а живет он на Московском вокзале. Где его, собственно, и можно всегда найти.

Со своей стороны мадам протягивает ему свою визитку и говорит, что она через три месяца вернется в Россию и обязательно его найдет.

Дамочку эту промежду прочим посадили на катер, который догнал паром, который в свою очередь, притормозив, так сказать, дождался свою пассажирку.

– Шведка, похоже, не бедная была. – Проговорил задумчиво я, мысленно переваривая информацию.

– Да, за катер заплатила неплохо. Продолжу свое сказочно-печальное повествование.

Прошло три месяца. Братья уже и забыли об этом происшествии, других забот хватало, главная из которых – добывание еды. Но вот однажды совершая утренний променад вокруг вокзала, Олег чуть был не сбит с ног какой-то расфу-

фырненной леди. Она бросилась к нему на шею и, пугая редких прохожих, начала целовать его сильно небритые щеки.

Короче, Олег был обласкан, вымыт, выбрит и поселен в гостиницу вместе со шведкой. Через месяц у него снова был паспорт, загранпаспорт, куча костюмов и много чего другого. Но самое главное! Шведка влюбилась в него по самое некуда!

Отъевшийся и ухоженный Олег выглядел как вполне респектабельный господин. Да и в постели видимо был не из последних.

Таким образом, спустя месяц после их повторной встречи, эта уже почти семейная пара, с шиком отплыла в шведские пенаты.

Это первая часть истории. Сказочно-прекрасная часть. А теперь перехожу ко второй части. Грустно-незавершенной. В чем-то даже трагической.

Игорю была снята комната в небольшой коммуналке, также восстановлен паспорт, но работу он себе должен был найти сам. Времени на его устройство не хватало.

Ты спросишь, почему его не взяли с собой в Швецию? Так ведь он хоть и брат, но для шведки чужой человек. А они, на этом «загнивающем» Западе, не шибко помогают своим родственникам, тем более – чужой родне.

Да ты сам это прекрасно знаешь!

Спустя три месяца Олег вернулся проведать брата. Сам он уже устроился, в какой-то университет в Стокгольме, где на-

чал преподавать какую-то заумную науку о нейтронах и позитронах. С братом буквально за два дня перед отъездом созванивался, у того было не совсем хорошо с работой, но хоть какая-то работа была. В остальном Игорь был всем доволен, тем более, после нескольких лет бомжевания.

Итак, Олег приехал, а Игоря нет. И квартиры тоже. Вернее, квартира на месте, только живут в ней второй день другие люди. Квартира стала отдельной. Тычут Олегу в нос паспорта с пропиской и ничего объяснять не хотят. Олег рванул в агентство, через которое снимали комнату, а там разводят руками и говорят, что квартира куплена с согласия прописанных там жильцов. Давать новые адреса съехавших жильцов они не имеют права. Коммерческая тайна, понимаешь ли!

Олег в милицию! Написал заявление, да времени дальше заниматься разбором полетов, уже не было. Приехал то он всего на пару дней, в Университете заморском его студенты заждались. Так и уехал не солоно хлебавши.

Из Швеции сделал запрос на брата. Получил ответ. Все по форме, чин чинарем, как наши умеют – типа брат Ваш Игорь Константинович не найден, объявлен в розыск, как будет информация о нем, обязательно Вам сообщим! И все, тишина!

С тех пор Олег стабильно приезжает в Питер каждые три месяца ровно на неделю. И ищет, ищет брата. По-своему уже ищет. Среди бомжей. Узнает у них всю доступную информа-

цию, все, что только можно. А бомжи, если их толково порасспросить, знают много чего.

Естественно, он и в органы нашей славной милиции навещается частенько, но все безрезультатно.

Дядюшка потянулся с хрустом, как то, по-детски подняв руки выше головы, улыбнулся мне и, прикрыв глаза, похоже, начал дремать. Я тоже, расслабившись после тяжелой и непривычной работы по мытью полов, откинулся на спинку скамьи и прикрыл глаза. В голове немного приятно шумело, то ли от выпитого пива на почти пустой желудок, то ли от усталости.

Рядом на скамеечку присели две очаровательные молодые девушки. Я с наслаждением вдохнул аромат духов, идущий от них. Какая прелесть, солнышко, девушки приятные рядом, благодать!

Однако их разговор заставил меня напрячься и постараться немного отодвинуться в сторону. Ближайшая ко мне девушка спросила свою подругу:

– Тебе что попало?

– Мне не повезло, триппер. – Ответила вторая красавица.

– А мне сифилис. – С тяжелым вздохом заметила моя соседка.

– Повезло. Лучше бы мне сифилис достался. – Качнула головой ее подруга.

Я содрогнулся! Такие милые создания, а уже имеют такие невеселые проблемы со здоровьем. А по виду и не скажешь.

Вполне приличные девушки. Ай-ай-ай, какая молодежь нынче пошла! Хотя бы скрывали от посторонних ушей свои болезни и не рассуждали о них так громогласно.

– Девушки, – решил подать я голос, – вы бы не очень громко о своих половых проблемах рассказывали. Мне то что, а вот другие могут распсиховаться.

Девушки повернулись в мою сторону и посмотрели на меня широко открытыми глазами.

– Вообще-то мы о билетах говорили. – Тихо сказала моя соседка. – Мы в Медицинском институте учимся. Сегодня экзамены были.

Я смущенно крякнул и пробормотал:

– Извиняюсь.

Девушки встали и ушли. Жаль, значит не судьба познакомиться.

Солнышко уже хорошо припекало и никуда не хотелось идти. Так бы сиделось и сиделось. Я даже не заметил, как заснул.

Убийство

Проснулся я рывком. Сначала показалось, что по мне опять бегают крысы. Я открыл глаза. Дядюшки рядом не было. Зато, какой-то громила устрашающего вида шарил в моих карманах совершенно по наглomu.

Увидев, что я проснулся, он даже не подумал прекратить свое занятие по поиску добычи, а только засопел угрюмее.

Я, как и он, молча, начал отпихивать руки громилы, стараясь не прикасаться к его одежде, которая вся была в неприятных, плесневелых пятнах.

Мужик, так же молча, саданул меня кулаком в ухо, да так, что в голове сразу загудели сотни колоколов. Это окончательно привело меня в чувство и я, увернувшись от очередного удара, резко двинул ребром ладони по кадыку нежданного грабителя. Тот захрипел и осел на скамейку рядом со мной.

Некоторое время мужик хрипел, наклоняясь в разные стороны, а затем немного отдышался и повернув ко мне голову жутко улыбнулся. Вся его физиономия просто засияла от искрящейся доброжелательности.

– Будем знакомы чувачок, меня кличут Ваню, а ты кто? Видал я тебя вчера с Дядюшкой, да не заметил он тебя мне.

Некоторое время я раздумывал, отвечать или нет. Наконец решил, что знакомиться все равно придется.

– Зовут меня Иван. А что Дядюшка не познакомил, так ему виднее с кем знакомить. – Осторожно, но веско ответил я, стараясь быть начеку.

Сзади упала тень, и я резко обернулся. В двух шагах стоял подошедший Дядюшка с непечатой пачкой любимого белого моря и с интересом смотрел на говоривших.

– Виднее, это точно. – Как-то сразу сник Ваню – Не забывай меня, нужна будет помощь, свистни, я прискачу. Для корешей Дядюшки я готов на все. А тебя я буду Ребром кликать.

Дядюшка сел на скамью, прикурил, и по его виду было понятно, что он не собирается пока никуда уходить.

– Я поброжу? – Я вопросительно посмотрел на спутника, тайно надеясь, что он пойдет со мной.

– Поброди. Я буду здесь долго.

Походив по платформам из конца в конец, поглазев на симпатичных девушек и суровых носильщиков, я остановился как вкопанный. Около «Невского экспресса» я увидел Тольку Лукина, своего старого знакомого еще с институтской скамьи.

Быстро забежав за рекламный щит, нервно закурил, стараясь унять дрожь в пальцах. Об этом я ведь совсем не подумал! Меня могут увидеть знакомые и будут шокированы внешним видом преуспевающего бизнесмена. А если еще и заговорят со мной?!

Сердце бешено колотилось и уши горели от стыда. Похо-

же, надо будет передвигаться по вокзалу и окрестностям короткими перебежками, поминутно разглядывая всех окружающих, чтобы не нарваться на удивленный взгляд. А разговоров то потом будет, если что!

Надо на непредвиденные ситуации быстренько выработать план действий. Во-первых, не бриться! Во-вторых, найти хоть какую-то шапку-шляпку и носить ее, надвинув на глаза. Именно так и никак иначе.

Немного успокоившись, я насупил брови, наклонил голову, немного сгорбился и быстрым шагом пошел назад, где на скамейке меня должен был ждать Дядюшка.

Тот к большой радости оказался на старом месте. Казалось, он даже позы не изменил. Я облегченно плюхнулся рядом и затравленно стал озираться.

– Чую, знакомого встретил. – Улыбка с лица Дядюшки просто не сходила. – Бывает и такое. Знакомых встретить – это хорошо. В принципе, все, что происходит в этой жизни, хорошо.

– Это, смотря какого знакомого. Что бы обо мне подумали мои партнеры по бизнесу, увидев в таком виде и еще в обществе бомжей. Я представляю их идиотские улыбки!

– Ты думал, что все просчитал, все проработал, ан нет! За время своего добровольного бомжевания еще не один раз будешь попадать в нестандартные ситуации. Но ты должен из них с честью выйти. Я это вижу по тебе. Ты быстро ориентируешься в непривычной обстановке, у тебя есть задат-

ки хорошего бомжа. А это не просто, быть бомжом. Надо добывать себе пищу, надо искать спокойный ночлег, много что надо. Судя по твоему поведению, я тебя, похоже перестану опекать дней через десять. Контролировать буду, но незаметно.

К скамейке, на которой сидели приятели, подошла миловидная бомжиха и ни слова не говоря, протянула руку. Дядюшка достал папиросу и дал ей. Она прикурила, по-мужски смяв мундштук, глубоко затянулась, выкурив за одну затяжку чуть ли не половину беломорины, и глядя в небо, грустно сказала:

– А Профессор то наш приказал долго жить.

– Какой Профессор? Профессор, который иностранец? – Дядюшка недоуменно воззрился на женщину.

– Ага, убили бедолагу, в нашенском клозете валяется.

– Пошли! – Дядюшка махнул мне рукой и быстрым шагом пошел в сторону путей.

Мы довольно долго шли, пролезая в какие-то дыры, перелезая через заборы, пока, наконец, не подошли к невзрачной постройке мышинового цвета. Я в который раз подумал о том, что все здесь на задворках вокзала покрашено в жуткие отталкивающие цвета. Места и так особой радости не вызывают, так хотя бы строения красили в радующие глаз оттенки.

Зайдя в помещение, нашему взору представилась неприятная картина. На цементном полу при свете одинокой лампочки лежал на спине мужчина. То, что это покойник было

сразу понятно. В груди торчал внушительных размеров нож. Таким обычно в деревнях свиней режут, почему-то подумал я. Покойников мне видеть приходилось не мало, отвращения или испуга я не испытывал. Было неприятно только одно. На теле убитого мужчины на животе была навалена большая куча человеческого дерьма.

В помещении помимо нас с Дядюшкой уже было три человека. Все три, судя по виду, бомжи.

– Кто нашел? – Дядюшка оглядел присутствующих.

– Я. Только это не я. – Длинный и очень худой мужичонка в хороших джинсах испуганно попятился от взгляда дядюшкиных глаз.

Он неумело перекрестился и начал сбивчиво рассказывать:

– Зашел я сюда, где-то утром, а он уже лежит. Ну, я быстро к Снопу и Егорычу побежал. Пришли мы, а на нем уже это, нас...о. Вот. Егорыч пошел всех оповещать, а я тут все караулил.

– Понятно. Печально, но надо вызывать милицию. Вы тут оставайтесь, ты Иван тоже, а я скоро вернусь.

Дядюшка вышел, и наступила тишина. Я переминался с ноги на ногу, не зная как правильнее поступить. Другие участники тоже молчали. Наконец подумав, я достал сигареты, и только собрался закурить, как вся троица повернулась ко мне. На их лицах начали распускаться улыбки и заискивающие взгляды прекрасно показали, что они хотят.

– В первый и последний раз.

Я достал из пачки ровно три сигареты и сунул их в руку ближайшему ко мне Снопу.

– Где первый, там и второй бывает. – Довольно проговорил Сноп.

– Я своих слов не меняю. – Я пожал плечами, – это уже ваши проблемы, верить мне или нет.

Все четверо не торопясь курили, стараясь не смотреть в сторону покойника, но, не поворачиваясь к нему спиной.

Есть это у нас всех такое. Боязнь повернуться спиной к покойнику. Видимо, в генах заложено. А может, по какой-то другой причине. И вообще, покойников многие боятся. Казалось бы, человек умер, навредить тебе ничем уже не может, а все равно страшно!

Послышались шаги и в дверь вошли два милиционера и Дядюшка.

– Тэк-с, трупик. – сказал сержант с лицом добропорядочного толстенького буржуа. – Кто нашел трупик, давно ли нашел, что здесь делал? А? Кто отвечать будет, товарищи без определенного места жительства?

– Начальник, Вы бы по одному вопросику задавали. А то ведь мы не в понятках, на какой сразу отвечать. – Сноп криво улыбнулся.

– А с Вами молодой человек, разговор будет отдельный.

Стоящий в проеме двери старшина достал из кобуры пистолет и, ткнув им в нос Снопа, неожиданно заорал:

– Всех вас козлов перестреляю! Достали вы меня уже своими выходками! Убийства мне только на территории не хватало!

Сноп откачнулся в сторону. Из носа у него потекла струйка крови.

– Клянусь мамой, это не мы!

– Где она твоя мама, ты на могиле то ее давно был?

Уже совершенно спокойно сказал старшина. Он сунул пистолет назад в кобуру, зачем-то вытер руки платком, после чего в него высморкался. Обойдя вокруг лежащего трупа, он покачал головой и как бы осуждающе, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

– Кучу то зачем наложили, на Руси к покойникам всегда уважительно относились. Только ваш сброд ни к чему уважения не имеет. А еще отношения к себе требуете нормального. Вас даже стрелять противно, мразь и есть мразь.

– Хоть на куски режь начальник, не мы это. Веришь, сами в шоке. Козлом последним буду, если кто-то из стоящих здесь братанов это сделал. – Сноп внимательно оглядел всех, задержав взгляд почему-то на мне.

Все, кроме служителей порядка, я в том числе, дружно закивали головами.

Сержант между делом аккуратно, чтобы не запачкаться, проверял карманы покойного. Он вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный листок бумаги. Развернув его начал читать, смешно шевеля пухлыми губами.

Похоже, у парня были проблемы с чтением в школе, вяло подумал я, и мне стало тоскливо. Школа, детство, самая лучшая пора. Жалко, что очень поздно мы об этом понимаем. Иногда так хочется поваляться на травке, побегать наперегонки, да просто подурачиться на улице. А нельзя! Либо морду набьют, либо в дурку сдадут. Вот и кричим мы сердито на ребятишек, когда те на улице свои игры затевают. А кричим и сердимся, потому что завидуем.

– Так, что здесь написано – прошу передать эту записку моему брату. Так, это понятно, а дальше... не пойму я что написано, не по-нашему. – Сержант закончил мыслительные процессы на лице и оглядел присутствующих.

– Я попробую прочитать. – Сказал я и протянул руку, сам не понимая, зачем делаю это.

– Попробуй. Видок у тебя несколько щеголоват для бомжа, может и сможешь.

Я взял листик и прочитал: «Прошу передать эту записку моему брату. I want to take the last memory. Если ты прочитаешь это послание, знай, меня уже нет. Но я постараюсь остаться в живых». В конце стояла подпись и дата. Вчерашняя дата.

А ведь написано по-английски, почему-то подумал я. В моей голове сразу завертелись некоторые соображения по поводу покойника. Но говорить вслух я ничего не стал, а отойдя в сторону, стал обдумывать зародившееся у меня подозрение.

Между тем милиционеры, тихо переговорив друг с другом, вызвали по рации опергруппу.

Потребовав от присутствующих, не расходится, они сами вышли из строения.

– Какие мысли возникли и что думаешь по данному поводу?

Дядюшка подошел ко мне и как всегда, закурив любимый беломор, как бы про себя добавил:

– Странно немного это все, очень странно. Профессор никому не мешал, даже наоборот, помогал. Каждый раз по приезде привозил одежду для местного контингента, еду покупал. Странно это, странно.

Я промолчал. Во мне сработала давняя манера поведения – как в жизни, так и в бизнесе я не любил делиться своими мыслями, если до конца не был в чем-то уверен. Вспомнилась любопытная история, услышанная несколько лет назад. Двое молодых парней решили деньги по-быстрому заработать. А как заработать? Да проще пареной репы, надо кого-нибудь ограбить. Решили эти хлопцы свою идею по-простому – позвонили в дверь к одной пенсионерке и когда она им открыла, то они объяснили ей, кто они собственно такие, и что от нее хотят. Прошлись по комнатам и выяснили, что брать то у неё особо и нечего. Бедно жила старушка. Загрузили парни, но не с пустыми же руками уходить, и решили они взять старенький телевизор. Только отошли от дома, как вспомнили, что пульт то от телевизора забыли. Решили вер-

нуться, как говорится: если человек тупой, то это надолго. Вернулись и позвонили в дверь. Старушка открыла дверь и увидев на пороге грабителей, поначалу удивилась. Она видимо решила, что у ребят совесть заговорила. Поэтому стала улыбаться и на кухню приглашать, чайку попить. Два грабителя идиота тоже поулыбались и сказали бабушке за чем, собственно, они вернулись. Старушка еще шире улыбнулась и предложила джентльменам удачи водочки попить с огурчиками малосольными. Поразительно, но двое новоявленных грабителей с удовольствием согласились и даже успели опрокинуть по стаканчику. Правда вот, закусить не успели. Милиция приехала, которую бабушка вызвала по телефону сразу, как только у нее вынесли телевизор. Думать всегда надо, прежде чем что-то делать.

Вот и мне сейчас надо было очень хорошо подумать. То, что приехавшие оперативники спустят дело на «тормоза», я нисколько не сомневался. Кому охота возиться с убийством какого-то вонючего бомжа, пусть даже и приехавшего из Швеции. Ну, забеспокоится иностранная дамочка отсутствием своего кавалера, ну начнет названивать, да возможно приехать и что? Да ничего. Ей популярно объяснят, что нечего было порядочному гражданину шляться в обносках по криминогенным местам. Расследование, конечно, проводится, но гарантий по раскрытию дать не можем. Россия, понимаешь ли!

Хотя и у Вас на родине, милая дамочка, думается, убий-

ством бомжа полиция не сильно напряглась бы.

Все это лирика, лирика! Я рассказал оперативникам что видел, что знаю, расписался в протоколе, удивившись, что протокол был составлен на месте. Я почему-то всегда считал, что протоколы пишутся в кабинетах на допросах. Впрочем, о работе милиции я ведь больше знал по детективным романам и фильмам, которые изредка смотрел. К телевидению у меня было свое, неприязненное отношение. За последние несколько лет у себя дома практически не включал телевизор. Реклама, сериалы, ток-шоу, опять реклама, вот и весь набор, по моему мнению, сегодняшнего российского телевидения.

Канал «Культура»? Пытаясь как-то ответить на этот вопрос я долго мекал, стараясь подобрать нужное объяснение, но, в конце концов, раздражаясь сказал, что не смотрю потому, что не хочу. Понимайте, как вам удобно. И вообще отстаньте со своими расспросами. Слушать радио, это всегда с удовольствием, там тоже полно рекламы, но ее хоть не видно.

Я вспомнил замечательную рекламу пельменей с милой девушкой держащей ладони на голой заднице и зазывно улыбающейся с огромных плакатов.

Прошло два дня. За это время жизнь в обличье бомжа приняла форму равномерного течения, без особых эксцессов. Дядюшка помог найти еще одно место для получения еды. Надо было убирать территорию, прилегающую к паре мини-кафешек на Лиговском проспекте.

В первый же день, подметая вечером около одного из кафе, я получил ощутимый пинок ниже спины от вышедшего из дверей нетрезвого парня. Он пнул меня и хамски плюнув на пиджак, процедил сквозь зубы о засилье понаехавших сволочей.

Проходящая мимо благообразная бабуля недобро посмотрела на меня, и ткнув болезненно своей клюкой в живот, прошамкала:

– Чем пялиться без дела, окурки бы лучше подметал!

Все это было так неожиданно и дико, что я даже не смог отреагировать на пендаля, и молча стоял в ступоре некоторое время.

Есть, кстати, такие бабульки в любом городе. Большие любительницы ткнуть кого-нибудь тростью, сумкой садануть, или просто выкрикнуть в лицо беззубым ртом какую-либо гадость. Однако все это они проделывают только с людьми, которые, по их мнению, беззащитны и слабы.

С тех пор я, подметая улицу, всегда боковым зрением не выпускал из вида происходящее вокруг.

За уборку я получал два пирожка и стакан сладкого чая.

А днем и поздно вечером продолжал свое маленькое расследование. В частности, узнал, что оказывается, когда Чуб, этот мужичонка в джинсах, бегал за Снопом и Егорычем, на месте убийства побывал еще один человек. Это Ваню, с которым у меня была стычка на второй день обитания на вокзале.

– Ты понимаешь Ребро, – угощая меня пивом, от которого

я отказался, боясь пить из грязной бутылки после своего собеседника, делился со мной Ваню, – шастал я там в поисках чего-нибудь дельного. Иногда молоток или разводной ключ можно найти вполне пригодные. Ну и заглянул туда. А там он лежит. Правда, г... а на нем не было. Я быстренько оттуда смотался, себе дороже. Поди, потом доказывай, что не я его замочил.

– Никого не заметил в окрестностях?

– Да нет. Шарфик только этот цветастый валялся. Не стал я его брать, себе дороже.

Я напрягся и схватил за руку собеседника.

– Какой шарфик?

Ваню удивленно посмотрел на меня.

– Как какой? Цветастый, я же говорю.

– Не было там никакого шарфика, ни цветастого, ни простого.

Бомж равнодушно пожал плечами и жадно приник губами к бутылке, совершая судорожные глотки. Еще три дня назад я брезгливо отстранился бы от такого соседа, но теперь уже спокойно относился к подобным вещам. Лишь изредка испуганно отгонял от себя мысль, что при возвращении в нормальную жизнь мне придется контролировать себя, чтобы, упаси Боже, не ляпнуть в «благородном семействе» фразу из лексикона бомжей.

Я задумался. Кажется, картина убийства стала вырисовываться. Преступник, возможно, держал рукоятку ножа через

этот пропавший шарфик. Когда убийство было совершено, видимо что-то спугнуло его. Очень может быть, что он услышал шаги Ваню, который подходил к сараю. Юркнув за шкафы, убийца дождался бегства Ваню, подобрал упавший шарфик, наложил кучу на покойника и тоже скрылся.

Может быть, дело было несколько иначе. Скажем шарфик убийца достал для того, чтобы протереть рукоятку от отпечатков. Но основной сценарий убийства был ясен. Не ясен был мотив. Деньги? Но Профессор почти не носил с собой денег. У него была дисконтная карта, а ПИН-код естественно знал только он сам.

И самый главный вопрос – зачем на убитого надо было наваливать кучу дерьма? Непонятно.

– А кто не любил Профессора, есть такие? – Спросил я, дождавшись, когда Ваню доцедит остатки пива.

– Да полно! Все ведь завидовали Профессору. Как же из грязи да в князи! Только убивать из-за этого не стали бы. Это точно.

– Будем разбираться. – Прошептал я и оставив своего собеседника за дальнейшим распитием пива, пошел искать Дядюшку.

Дядюшку я сегодня видел только с утра, а затем тот ушел в город, сообщив, что его не будет до вечера. Но вот уже и поздний вечер, а куратора, как я про себя называл Дядюшку, все не было.

Щетина на щеках уже отросла, помятую шляпу я отыскал

в каком-то вагоне, стоящем на запасных путях, поэтому и решил пройти через центральный зал. Тем более в такое позднее время народа на вокзале было немного и всегда можно было успеть уткнуться носом в витрину, если он увидел знакомого.

К счастью, поход через зал прошел довольно спокойно и без эксцессов. Если не считать, что за мной буквально по пятам шел какой-то милицейский сержант. Видимо раздумывал – заняться мной как тренировочной грушей или просто попинать ногами. Проходя мимо бюста Петру I, что в центре зала, я вначале не поверил своему маленькому счастью – на полу лежала банкнота в 500 рублей. Потоптавшись около нее и позыркав осторожно по сторонам, я понял, что никто не претендует на эту нужную мне денежную бумажку. Аккуратненько наклонившись и сделав вид, как будто я почесываю щиколотку, медленно поднял купюру. Вот счастье то! Даже сержант, внимательно наблюдающий за мной, вроде бы ничего криминального не заметил. Но чтобы не провоцировать милицейское начальство, а для меня теперь даже курсант начальник, я при выходе на площадь Восстания быстренько юркнул налево и убыстрил шаг.

Дядюшка нашелся около ларьков в окружении других бомжей. Похоже, он опять рассказывал одну из своих веселых историй.

Так и есть, подойдя вплотную к кучке мужчин, я стал свидетелем окончания очередного рассказа:

– Вот так и закончилась эта увлекательная история, о которой мой дядюшка не очень любил вспоминать.

Ну, думаю, раз уж я пропустил всю историю, то переспрашивать, отчего все засмеялись в полный голос, я не стану. А куплю ка я себе чипсов, вот захотелось мне их до такой степени, аж слюной чуть не захлебнулся. Да и деньги в кармане есть! Почти богач.

Подошел к ближайшему ларьку и попросил милую девушку продавщицу:

– Чипсы «Лэйс», пожалуйста.

– Вам какие?

– А какие есть?

– Много разных.

Настолько большой ассортимент, что все не перечислишь? Все может быть. Девушка симпатичная, а я тут со своей небритой рожей ее учить собрался.

– С солью, пожалуйста. – Вежливо и мило улыбаясь, попросил я.

– А с солью нет.

– Эм-м. Ну, тогда со сметаной и луком.

Продавщица исчезла, хотя затеряться в небольшом ларьке было практически негде.

– Таких тоже нет.

– С беконом есть?

– Кончились.

Я уже начинал раздражаться, хотя на девушек редко сер-

чаю, так как это себе дороже. Визг, писк, слезы и, в конце концов, все равно сам оказываешься виноват.

– Ладно, давайте любые.

С тяжелым вздохом это милое создание опять исчезает надолго в недрах ларька. Наконец передо мной вырастает горка из нескольких пакетиков.

– С солью подойдёт?

– Давайте!

Что еще можно сказать? Играли бы мы в шахматы, думаю, была бы зафиксирована ничья. Но внимательно осмотрев продукцию, выложенную в витрине ларька, понял, что со стопроцентной уверенностью, проиграл бы битву разумов. Дело в том, что я увидел фонарик, с рекламной бумажкой: «Новый вечный фонарик в поход. Светит более получаса. Гарантия!». Лично я не могу себе представить вечность, которая длится полчаса.

Моя милиция меня бережет

Дядюшка заметил меня и, поманив пальцем, повел в сторону лестницы на платформу. Поднявшись, мы присели на скамью, и он подал мне конверт. Я вскрыл его и достал оттуда два листа бумаги: «Здорово дружище! Послушал я о твоём житье, и даже слезу у меня прошибло! Но как понимаю, ты уже пообтерся в среде бомжей, даже прозвище тебе дали неплохое. Ребро – это звучит. Это не какой-то там Сопля или Сморчок. Уважаю братишка!

Я думаю, что ты выиграешь наше пари, но еще не вечер! Не переживай, я действительно рад за твои «успехи».

Теперь читай мой отчет.

Твоя Мирабелла меня просто потрясла. Ты почему ее раньше до дела не допускал? У нее же волчья хватка капиталиста, я по сравнению с ней мелкий волчонок.

Дела твои она ведет блестяще, никому спуска не дает. Гоняет всех жестко, но палку не перегибает. Молодец, одним словом. Я в отношении нее был глубоко не прав, каюсь, каюсь, виноват.

Что касается Эдика. Мальчик скользкий, согласен, но дело свое знает, тут ты был прав.

Так что дружище бомжуй и дальше, в голову плохие мысли не бери, все идет нормально.

Жму твою грязную и вонючую руку, и желаю держаться

торчком. Твой друг, товарищ и почти брат Петр.

P.S. Побежал мыть руку, что-то от тебя подцепил».

Я заулыбался. Как был Петька балаболкой по жизни, так им и остался. Он и в своем офисе старался поддерживать хорошую, добрую атмосферу. Над дверью в свой кабинет Петр повесил объявление: «Господа и товарищи работники! Ваш долг уважать своего начальника! Даже, если вы считаете, что он дурак. Ему тяжелее, чем вам. Вы видите каждый день перед собой только одного придурка (в моем лице), а он – целую группу!».

Я лично на двери своего кабинета ничего не вывешивал. Мне вполне хватало того, что у секретаря на столе стояла табличка «Степень заслуженности работника определяется длительностью прощаемых ему опозданий».

На душе потеплело, слава Всевышнему, дома все в порядке, Мирка молодец. И погода хорошая, и Дядюшка рядом мило улыбается. Все отлично!

Я блаженно посмотрел по сторонам.

– Сержант Миленький. Ваши документы!

Из благостного состояния меня вывел утробный голос незаметно подошедшего милиционера. И сразу заходящее солнце зашло за тучку, начал накрапывать дождик и радостное ощущение мира убегало из груди большими скачками.

– Добрый вечер товарищ сержант. У меня нет с собой документов.

– Пройдете гражданин.

Сержант схватил меня за рукав и сильно дернул.

Я обиделся. Что за привычка у служителей закона дергать за рукава. Этак и рукав можно оторвать. Видимо блаженное состояние не до конца меня покинуло, поэтому я сразу не оценил масштабы возникшей угрозы.

Бац! Колено левой ноги пронзила жуткая боль. Я инстинктивно согнулся и получил еще один удар в ухо уже кулаком.

– За что бьешь, начальник! – Возопил я, соскакивая со скамейки и отбегая в сторону.

– Сам пойдешь или помочь? – Совершенно равнодушно спросил работник службы правопорядка.

Получать болезненные удары больше не хотелось и я прихрамывая, пошел за сержантом. В паре шагов за нами, молча, шел Дядюшка, так и не проронивший за все время ни слова.

Мы пришли в милицейский приемник на вокзале, где милостивая девушка лейтенант о чем-то спрашивала сидящего напротив нее бомжа Чуба.

Тот обернулся и, увидев вошедших, ткнул в меня пальцем и воскликнул:

– Вот этот там был до меня. Точно, его я видел!

Лейтенант подняла на меня глаза, очаровательно улыбнулась и показала рукой на стоящий у стенки стул. Я проковылял до стула и с облегчением присел, вытянув левую ногу, которая при малейшем сгибе в колене посылала по нервам толчки боли.

Девушка посмотрела на сержанта, кивнула ему, и тот вышел. Все так же молча, она перевела взгляд на стоящего в

углу Дядюшку и удивленно изогнула бровь. Дядюшка также молчаливо улыбнулся ей и слегка кивнул. Эта молчаливая пантомима была прервана визгливым голосом Чуба:

– Гражданин следователь, я-то, могу идти?

Лейтенант подняла свои красиво подведенные глаза к потолку, поизучала трещины на нем, видимо раздумывая о давности побелки и наконец опустив взор на Чуба, все так же молча, кивнула головой.

Чуб, кланяясь на каждом шагу, спиной прошмыгнул за дверь.

Я был занят более важным для меня в данный момент делом, массировал больное колено, поэтому не заметил, что девушка уже довольно долго смотрит на меня.

– Болит колено. – Констатировала она.

Я, наконец, поднял голову и взглянул на нее. Красивые и равнодушные глаза изучали мое щетинистое лицо. Видок еще тот! Опухшие веки от постоянного недосыпа, распухшее ухо, горевшее всеми цветами радуги.

Наконец решив, что образ преступника ей представляется вполне ясным, лейтенант подвинула к себе лист бумаги и опустив на него глаза проговорила:

– Рассказывайте. За что убили. Фамилия, имя, отчество.

Она говорила короткими фразами, слегка брезгливо и равнодушно.

Сам не понимая почему, я начал сбивчиво и быстро рассказывать о происшествии, но быстро иссяк и понял, глядя

на девушку, что ей совершенно не интересны мои объяснения. Она уже все для себя решила, убийца я, дело можно закрывать, а сознается этот бомжара или нет, вопрос уже вторичный.

– Нет, но также нельзя! – возмутился я – Почему какому-то Чубу, не знаю, как его там на самом деле зовут, верят, а мне добропорядочному гражданину, нет?

Тут же осекся и задумался, мрачно глядя в пол. А собственно, почему мне должны верить? Я что, не такой же бомж как этот писклявый Чуб? У того хоть джинсы новые и морда не разбита. А на себя посмотреть со стороны, так огого! Одутловатая, щетинистая харя, наглое поведение, да на такого списать дело как дохлого таракана ногой раздавить.

– Не будете ли Вы так любезны, уделить мне несколько минут своего драгоценного времени? Наедине, если это Вас не затруднит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.